

АННЕЛИЗА АЛЛЕВА

Поэт, эссеист, переводчик

Родилась в Риме, где и живёт по сей день. Окончила курс славистики на филологическом факультете Римского университета. В начале 1980-х годов получила годовую стипендию на стажировку в Ленинграде.

Опубликовала восемь поэтических сборников, из которых два, *L'oro ereditato* (*Золото в наследство*, 2002) и *Istinto e spettri* (*Инстинкт и призраки*, 2003), вошли в шорт-лист итальянской премии «Виареджо», а последний, *La casa rotta* (*Сломанный дом*, 2010), получил премию «Sandro Penna».

Её стихи, воспоминания и эссе о Пушкине, Толстом, Цветаевой, Бродском и Борисе Рыжем были напечатаны по-русски в журналах «Звезда», «Нева», «Новая Юность», «Новое литературное обозрение», «Стороны света» и «Литературной газете». В 2010 году режиссёр Сергей Красавин снял фильм «Рое mie — пою моё» с её стихами по-русски и по-итальянски (www.labirintolibri.com). Перевела на итальянский всю прозу Пушкина (1990), роман Толстого «Анна Каренина» (1997), антологию русской современной прозы *Metamorfosi* (*Метаморфозы*, 2004) и антологию русской современной поэзии *Poeti russi oggi* (*Русские поэты сегодня*, 2008), за что удостоена премии LericiPea (Москва, 2009). С 2004 по 2007 год преподавала литературный перевод с русского языка в Первом Римском университете.

Постоянный участник международных семинаров переводчиков русской классики в Ясной Поляне, Тарханах, Елабуге, а также симпозиумов по современной русской литературе в Петербурге, Москве и Грузии.

ХАРАКТЕРЫ

Я не раз читала свои стихи в России, и у меня всегда было ощущение, что публике, которая их ценила, всё же чего-то не хватает. Не хватало слышать о себе, о собственной стране. Мне стало неловко. Россия живёт постоянно рядом со мной, внутри меня — и поэтому мне труднее писать о ней, чем о любой другой стране. Неожиданно к концу лета этого года я стала писать о своих русских встречах: реальных и литературных, больше женских, но не всегда.

В перерыве концерта в Ясной Поляне я разговорила с двумя сёстрами. Так я столкнулась с жизнью Софьи Андреевны Толстой; купалась в том же пруду, который описан в её дневниках. В стихах этого цикла литература и реальная жизнь как-то переплетаются, благодаря книгам и тем людям, которые рассказывают о своём чувственном опыте постижения «литературных» тем. Случайные встречи, да ещё на чужом языке, как ни странно, имеют законченный характер. Это всегда событие, чудо. Вот, дорогой читатель, маленькие фрагменты о моей России.

Аннелиза Аллева
Рим, 20 декабря 2011 года

CARATTERI

1

Первое признание прочла на снегу.
Я плакала: мне, маленькой, сестра
рвала, причёсывая, волосы.
Каждое утро теперь заплетаю косу одна.
В лагере летом её признали самой красивой.
Блондинкой, как все, мечтала я быть,
но у волос проступал русский корень.
Моё имя Кристина. Я хочу победить
на конкурсе красоты.

No ricevuto la prima dichiarazione scritta sulla neve.
Piangevo da piccola quando mia sorella
per pettinarmi mi strappava i capelli.
Ora mi faccio la treccia da sola ogni mattina.
Al campeggio ho vinto un premio, perché la
mia è stata giudicata la più bella.
Vorrei essere tutta bionda, invece ho la radice castana.
Sogno di vincere un concorso di bellezza. Sono Kristina.

2

Моё имя Анна, Аня. Я росла
в большом доме, похожем на замок.
Для жизни всё нужное было там, даже школа.
Стылый сквозняк, бесприютный, увлёк меня
к окну с открытой книгой, которая
закрываясь, отрезала мне девичью косу,
и, раздуваясь мехами, подтолкнула меня к столице.
Год спустя я вернулась забрать свою дочь.
Подозрительные, высунули головы в коридор,
когда она, выбежав мне навстречу, всем прокричала:
видите, что у меня есть мама,
видите, что она вернулась,
а вы не верили, когда я вам говорила.

Mi chiamo Anna, Anja. Sono venuta su
 in una grande casa autosufficiente.
 Giù c'era tutto per vivere, anche la scuola.
 Quella cattedrale piena di spifferi, senza tetto,
 mi spinse col libro aperto verso la finestra.
 Poi il libro mi recise la treccia sul petto
 e mi soffiò verso la capitale.
 Tornai dopo un anno a riprendere mia figlia.
 Teste sospettose si sporsero sul corridoio
 quando lei nel corrermi incontro gridò a tutti:
 vedete che ho una mamma, vedete che è tornata,
 vedete, voi non ci credevate, io ve lo avevo detto.

3

После дуэли. Я вытащила Лермонтова из забвения.
 Хотела бабушка офицером его видеть.
 Нет портрета, похожего на него, кроме
 в младенчестве. Два больших осиротевших глаза.
 Небольшое тело, ноги скривлены от седла.
 Как вздёрнут безупречным воспитаньем.
 Печать несчастья. Имя моё — Тамара.
 Храню нетронутым в саду дуб,
 сражённый ураганом в девятисто пятом,
 что был посажен, по преданию, поэтом.
 Мои дети живут теперь далеко. В детской сплю я.
 Ночное небо надо мной распахнуто зрачками звёзд.
 В саду поставила теплицу, а в кабинете у меня
 птицы, в аквариуме рыбы, собака под столом.
 Всё ожило. С родной землёй соединился он, как
 золото полей с овалом облаков на синем небе.

Ho tirato io Lermontov fuori dall'oblio dopo il duello.
 La nonna lo aveva voluto ufficiale.
 Nessun ritratto gli somiglia, se non il primo
 in veste da bambina. Due grandi occhi orfani.
 Un corpo piccolo, le gambe arcuate dalla sella.
 Un'educazione esagerata, un carisma da infelice.
 Il mio nome è Tamara. Conservo intatta in giardino
 la quercia stroncata da un uragano nel novantacinque,
 che una leggenda dice avesse piantato il poeta.
 I miei figli sono andati a vivere lontano.
 Dormo in una piccola stanza. Ho ricostruito la serra.

Di notte apro un cielo pieno di occhi senza pupille.
 Nel mio studio ho uccelli, pesci, un cane sotto il tavolo.
 Ho fuso il suo mito con questa terra,
 i campi d'oro col cielo azzurro e le nuvole ovali.

4

Я сажусь на тропу,
 рядом — горб земли,
 на котором взошла трава
 и кем-то оставлен цветок, два.

Ветер внезапным дождём
 плюнул в берёзовую листву,
 вихрем подняв её в серое небо,
 незаметно роняя на луг,

— всё для меня, хищного,
 не для того, прохожего.
 Я вижу Воронка — река воскурят
 утром фабричные трубы.

Я — сокол, невидимый страж могилы
 присного моего господина.

Mi poso sul sentiero
 oltre il tumulto di terra
 sul quale è cresciuta l'erba
 e qualcuno lascia un fiore.

La pioggia improvvisa sputata dal vento
 sulle foglie tonde di betulla
 che volteggiano contro il grigio del cielo
 e cadono incerte sul prato

sono per me, rapace,
 non per il visitatore.
 Io vedo la Voronka che fuma
 al mattino, le ciminiere.

Sono il falco che veglia non visto
 la tomba del suo padrone.

5

В ту ночь читал Карамазовых; встал
и покинул свой дом навсегда.
Тихо шёл по тропе между яблонь
и там обронил свою шляпу.
Маковицкий, мой доктор, мне подал тогда
запасную, что всегда держал при себе.
Кучеру велел запрягать лошадей.
Никогда я больше его не видел.
Он бороду отпустил, и стал походить
на меня, хозяина, чем страшно гордился.
Я умер на железнодорожном вокзале.
Вернулся домой к своим похоронам, где двойник
всё похвалялся сходством со мной.

Leggevo i fratelli Karamazov
prima di lasciare di notte la mia casa.
Passai lungo un sentiero attraverso i meli
e smarrii il cappello.
Makovickij, il dottore, me ne porse uno
di riserva, che teneva sempre con sé.
Ordinai al cocchiere di attaccare i cavalli.
Poi non lo vidi più.
E quello si lasciò crescere la barba.
La gente gli diceva che ricordava il suo signore.
Lui ne andava maledettamente fiero.
Io ero morto in una stazione ferroviaria.
Tornai solo per i funerali.
E lui lì, a fare il sosia, a pavoneggiarsi.

6

Я, Софья Андреевна, суежилась весь день
по дому, переписывала рукопись мужа.
Когда исчерпала себя, то стало не хватать
в его романах кружев, штор, грудного молока,
пелён и помощи больным.
Я убегала купаться на средний пруд.
Спускалась вниз по лестнице купальни
среди пожелтевших листьев и голубых стрекоз.
Он, лишившись вдруг моей поддержки,
писал эссе, доверив их большому «Ремингтону».

Io, Sof'ja Andreevna, correvo tutto il giorno
in giro per la casa e copiavo i manoscritti dei romanzi.
Poi, a un certo punto, ne fui esaurita.
Vennero meno quelle descrizioni di pizzi,
tende, tessuti, calate lattee, fasce, assistenza agli ammalati.
Fuggivo a fare il bagno nello stagno di mezzo.
Mi calavo giù per la scaletta di quella palafitta,
sullo sfondo delle libellule azzurre e delle foglie gialle.
Lui, privo della linfa dei miei ritocchi di donna,
pervenne al saggio sulla sua grande Remington.

7

Я работаю, он всегда дома.
Я старалась всё больше,
чтобы нам быть вместе. Он
не решался жениться опять.
Но однажды поверил мне.
Первый муж нервно захохотал
в финале фильма Бергмана,
когда я сказала, что
оставляю его навсегда.
Иногда я готовлю обед своим детям,
что отдельно живут.
Очень счастлива новой жизнью
в доме вблизи большого парка.
Там вечерами мы играем в фрисби.
Не хочу называть своё имя.

Io lavoro, lui è in pensione.
Ma ho lavorato anche di più per averlo.
Non voleva saperne di sposarsi per la seconda volta.
Poi ha capito che il mio era vero amore.
Il mio primo marito rise nervoso
quando, dopo un film di Bergman, gli ebbi
annunciato che stavo per lasciarlo.
I figli vivono da soli, gli cucino il pranzo
due volte a settimana. Sono contenta di questa nuova vita.
Abitiamo nei pressi di un grande parco,
dove andiamo verso sera a giocare a frisbee.
Sono troppo segreta per dirvi chi sono.

8

Я собака, которую глядят по голове прохожие,
когда утром скользят по платформе вниз,
в павильон под Площадью Революции.
Меня касаются в спешке, я вытягиваю морду.
Полируют, лишают шерсти, изнашивают.
Я, по их вере, приношу богатство.
Сверкаю плешью, рядом с гребнем
и клювом петушка из бронзы.
Всё остальное — пшеница, груди, пулемёты —
покрылось тенью: время потемнело.

Sono il cane che molti carezzano sulla testa,
quando passano sul binario giù, la mattina,
alla fermata di Piazza della Rivoluzione.
Mani mi sfiorano di fretta, il muso sporgo appena.
Mi lustrano, mi spelano, mi consumano.
Secondo la tradizione, porterei ricchezza.
Sono l'unico a rilucere, insieme con la cresta
e il becco di un gallo da cortile di bronzo.
Tutto il resto: frumento, seni,
mitragliatrici, l'ha brunito il tempo.

Публикуется впервые
Литературный перевод Татьяны Ковальковой